

«АРИСТОТЕЛЕВСКИЕ» РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «МАТЕРИАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИИ»

И. Г. ГАСПАРОВ

Воронежский государственный медицинский университет
им. Н. Н. Бурденко
gasparov@mail.ru

IGOR GASPAROV

Voronezh State Medical University (Russia)

“ARISTOTELIAN” SOLUTIONS TO THE PROBLEM OF “MATERIAL CONSTITUTION”

ABSTRACT. In the article I consider various “Aristotelian” solutions to the problem of “material constitution.” First I provide a critical analysis of two solutions recently offered by Michael Rea and Kathrine Koslicki from a broadly Aristotelian perspective by arguing that both accounts of how a material whole could be constituted by its parts fall short from being satisfactory. Then I sketch how the problem in question could be solved in a more adequate way if based on Aristotelian metaphysics.

KEYWORDS: Aristotle, metaphysics of material constitution, hylomorphism, mereology.

Введение

Предположим, что во вторник скульптор из имевшегося у него куска глины вылепил бюст Сократа. В среду он любовался произведением своего искусства, а в четверг в приступе отчаяния разрушил его, снова превратив бюст в бесформенную массу. На первый взгляд, в среду перед скульптором находился только один предмет. Но какой? Бюст Сократа? Кусок глины в форме бюста? Или в среду им просто случилось быть тождественными? Впрочем, возможно, что наша интуиция вводит нас в заблуждение, и в среду перед скульптором все-таки были две вещи, находившиеся друг к другу в отношении конституции. Например, в среду кусок глины конституировал бюст Сократа. Начиная, по крайней мере, с Эпихарма, философы пытались разрешить парадоксы, связанные с тождеством и различием изменяющихся во времени материальных объектов. Наиболее известными примерами таких парадоксов являются «парадокс должника» и «корабль Тезея», «Тибл и Тиб»

(Geach 1980), а также загадка «статуи и куска глины» (Gibbard 1975), один из вариантов которой был приведен выше.¹ В современной философской литературе предпринимались многочисленные попытки разрешить эти парадоксы в рамках различных метафизических парадигм (Rea 1997), одной из которых, – пусть и не самой влиятельной, – является неаристотелизм. Среди недавних авторов, писавших на тему материальной конституции и позиционирующих себя как сторонников неаристотелевского подхода к решению этой проблемы, можно выделить, прежде всего, Майкла Рея (Rea 1998) и Кэтрин Кослицки (Koslicki 2008). Цель настоящей статьи – рассмотреть их попытки решить проблему материальной конституции, опираясь на те или иные идеи Аристотеля, предложить критический анализ этих попыток, а также представить собственное видение того, как проблема материальной конституции могла бы решаться с позиций аристотелевской метафизики.

Проблема материальной конституции

Американский философ Майкл Рей полагает, что в основании всех парадоксов материальной конституции лежит одна общая проблема (Rea 1995). По его мнению, эта проблема возникает там и тогда, где и когда объекты, состоящие из одних и тех же частей, находятся к этим частям в сущностно различном отношении. Пытаясь глубже проникнуть в суть проблемы, Рей конструирует парадокс, возникающий из допущения одновременной истинности следующих пяти утверждений, каждое из которых по отдельности имеет высокую степень интуитивного правдоподобия:

Предположение существования: *Одновременно существуют как объект, так и его части.* Например, в приведенной выше истории о куске глины и бюсте Сократа мы предполагаем существование как бюста, так и куска глины,² из которого он сделан.

Принцип сущностного отношения: *Части, из которых состоит объект, находятся в сущностном отношении к объекту, из которых он состоит.* Кусок глины находится в сущностном отношении к своим частям в том смысле, что он состоит из них необходимым образом. Замена даже одной из них привела бы к исчезновению одного куска глины и возникновению другого,

¹ Изначально парадокс статуи и куска глины был предложен Алланом Гиббардом в контексте защиты тезиса о существовании случаев «контингентного тождества» (Gibbard 1975). Однако, в настоящей статье используется более простая темпоральная версия этого парадокса.

² В данном случае кусок глины может пониматься либо как совокупность частиц, наличие каждой из которых необходимо для сохранения его тождества во времени, либо как единственная материальная часть статуи. М. Рей склоняется к первому пониманию (Rea 1995, 544). К. Кослицки рассматривает кусок глины во втором смысле (Koslicki 2008, 179).

отличного от первого. Иным образом, дело обстоит с бюстом. Например, откол небольшой частицы глины не ведет к исчезновению прежнего бюста и возникновению на его месте нового; точно так же замена некоторых частей глины на другие, скажем, в процессе реставрации, не создает новый бюст вместо прежнего.

Принцип возможности альтернативной композиции: *Объект мог бы состоять из частей, отличных от тех, из которых он состоит в определенный момент времени.* Бюст, сделанный из определенного куска глины, мог бы быть сделан либо из другого куска глины, либо даже из иного подходящего материала.

Аксиома экстенциональности: *Объекты, полностью состоящие из одних и тех же частей, тождественны по числу.* Состоящие из одних и тех же частей бюст и кусок глины, согласно аксиоме экстенциональности, должны признаваться тождественными.

Необходимость тождества: *Тождественные объекты тождественны необходимо.* Многие философы вслед за Крипке полагают, что всякое тождество, в том числе и тождество, установленное эмпирическим путем, является необходимым отношением. Поэтому, если бюсту и куску глины случилось быть тождественными хотя бы в одном из возможных миров, то они тождественны в каждом из возможных миров, в которых они существуют.

Утверждение истинности всех пяти вышеуказанных положений влечет за собой, по мнению Рея, противоречие, тогда как отрицание истинности одной из них дает нам один из возможных способов решения проблемы материальной конституции.

Несколько иной подход к пониманию проблемы материальной конституции предлагает Кэтрин Кослицки (Koslicki 2008). Он основан на законе Лейбница, согласно которому тождественные объекты должны иметь абсолютно одинаковые свойства. Однако, в случае с бюстом и куском глины мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда, с одной стороны, многие свойства этих объектов демонстрируют настолько поразительное совпадение, что мы склонны считать их тождественными, а, с другой стороны, эти объекты обладают вполне определенными отличиями, которые не позволяют их отождествить. Так, например, бюст Сократа и кусок глины полностью совпадают в размерах, цвете, весе, положении в пространстве, но в то же время различаются в эстетических, модальных, темпоральных и интенциональных свойствах. Поскольку только бюст, но не кусок глины может быть предметом восхищения, относиться к определенному художественному стилю, быть плохо сработанным, или возникнуть позже, чем кусок глины, из которого он сделан. И только из куска глины, из которого скульп-

птор вылепил бюст Сократа, мог бы быть сделан бюст Пифагора. Проблема, по мнению Кослицки, состоит в том, что если предположить, что бюст и кусок глины, из которого она сделана, тождественны, то неясно, почему они вопреки закону Лейбница имеют различные свойства. Если же предположить, что они различны, то непонятно, как они могут обладать столь поразительным сходством. Поэтому любое адекватное объяснение парадокса материальной конституции должно объяснять как сходства, так и различия между свойствами бюста и куска глины.

И Рей, и Кослицки предложили варианты решения проблемы материальной конституции, опираясь на те или иные идеи Аристотеля, вследствие чего эти решения можно назвать «аристотелевскими». Предложение Рея состоит в том, что проблему можно решить, отождествив отношение конституции, имеющее место между куском глины и бюстом Сократа, с аристотелевским понятием акцидентального единства, тогда как Кослицки полагает, что загадка материальной конституции легко разрешается, если рассматривать кусок глины и бюст как материю и форму, понимаемые в качестве собственных составных частей единого целого, т. е. бюста Сократа.

Акцидентальное единство и отношение конституции

В своей статье «Единство без тождества: Аристотелевское решение проблемы материальной конституции» Рей предложил оригинальное решение загадки материальной конституции, которое основано на заимствованном у Аристотеля понятии акцидентального единства (Rea 1998).³ Как говорилось выше, по мнению Рея, для того, чтобы избавиться от противоречия, лежащего в основе проблемы материальной конституции, необходимо отрицать истинность одного из пяти порождающих его утверждений. Предлагая решение от имени Аристотеля,⁴ Рей полагает, что таким утверждением должна стать аксиома экстенциональности (Rea 1998, 318). Однако, в отличие от стандартного подхода при отрицании аксиомы экстенциональности Рей не признает, что в данном случае сторонник такого решения должен признать существование со-расположенных объектов, т.е. двух различных объектов, полностью и одновременно находящихся в одном и том же месте, по-

³ Вместо дословного перевода выражения Рея «accidental sameness» как «акцидентальное тожество» я использую термин «акцидентальное единство», который традиционно использовался для обозначения того, что Аристотель называл «единством по совпадению» (*Met.* V, 6, 1015b 15–35).

⁴ Кроме обсуждаемого далее у Рея есть еще одно – его собственное – решение проблемы материальной конституции (Rea 2000). Однако, он полагает, что «аристотелевское» решение также является одним из возможных и представляет определенный интерес для метафизиков.

скольку, по его мнению, несмотря на то, что конституция не означает тождества, она влечет акцидентальное единство конституируемого и конституирующего объектов.

В отличие от многих авторов Рей понимает конституцию как мереологическое отношение, обладающее свойством симметрии. Один объект конституирует другой в том случае, если оба полностью состоят из одних и тех же частей. В этом случае кажется, что если верно, что и кусок глины, и бюст Сократа состоят из одних и тех же частей, то они конституируют друг друга, и потому отрицание аксиомы экстенциональности неизбежно ведет к признанию различности этих объектов, равно как и признанию того, что *два* различных объекта одновременно и целиком занимают одну и ту же область пространства. Однако Рей в отличие от большинства авторов, также склоняющихся к отрицанию аксиомы экстенциональности, полагает, что концептуальный аппарат аристотелевской метафизики позволяет, принимая различие между бюстом и куском глины, тем не менее избежать вывода, что одна и та же область пространства одновременно полностью занимает *двумя* объектами. Бюст Сократа и кусок глины, из которого он состоит, действительно не тождественны, но это не *два*, а *один единственный* объект. Правда, единство, которым он обладает является не сущностным, а всего лишь акцидентальным, или единством по совпадению.

Что же такое акцидентальное единство? И какова мотивация, лежащая в основе введения в обиход такого необычного, по крайней мере, для современной метафизики, отношения между различными объектами? Предположим, что я сжимаю кисть руки в кулак. С одной стороны, очевидно, что кисть и кулак отличаются друг от друга. Однако, с другой стороны, кажется, что нельзя утверждать ни то, что, образовав кулак, кисть руки прекратила существование, ни то, что перед нами находятся *два* объекта – кисть руки *и* кулак. Иными словами, несмотря на то, что кисть руки отличается от кулака, находящийся перед нами объект один по числу. Поэтому отношение, имеющее место между кистью руки и кулаком, правильно характеризовать не как классическое тождество, а как акцидентальное единство. Рей предлагает описывать это отношение в терминах гилеморфизма. С этой точки зрения, кисть должна пониматься как материя по отношению к кулаку, а кулак – как форма по отношению к кисти. Однако, кулак является не субстанциальной, а всего лишь акцидентальной формой кисти. Поэтому разжатие пальцев, не приведет к исчезновению самой кисти руки, также как ранее к этому эффекту не привело их сжатие.

Рей характеризует акцидентальное единство следующим образом: во-первых, это отношение, имеющее место между составным объектом, который

образован акцидентальной формой и некой субстанцией, например, сидящим Сократом и самим Сократом. Во-вторых, акцидентальное единство отличается, как от необходимого, так и от контингентного тождества. Отличие состоит в том, что тождество не допускает никакого различия в свойствах, тогда как объекты, связанные между собой отношением акцидентального единства такое различие допускают. В-третьих, акцидентальное единство представляет собой определенную разновидность единства по числу. Если объект *a* и объект *b* находятся между собой в отношении акцидентального единства, то они едины по числу, хотя и не едины по бытию. В-четвертых, акцидентальное единство отлично от со-расположенности, поскольку в отличие от со-расположенности акцидентальное единство предполагает абсолютную общность частей тех объектов, которые связаны данным отношением. Таким образом, акцидентальное единство представляет собой отношение более слабое, чем тождество, но более сильное, чем со-расположенность. Оно имеет место там и тогда, где и когда «материя имеет несколько различных способов организации одновременно, а также когда мы можем идентифицировать в одном и том же месте несколько объектов разных видов, но тем менее можем правомерно «все их считать одним объектом» (Rea 1998, 322). Рей полагает, что существование такого специального отношения, как акцидентальное единство, позволяет получить простое решение проблемы материальной конституции: «Всякий раз там и тогда, где и когда мы имеем объект *a* и объект *b*, у которых полностью одни и те же части, но которые при этом находятся к своим частям в сущностно различном отношении, соответствующие объекты *a* и *b* являются одним по числу, но не тождественным объектом» (Rea 1998, 322).

В связи с этими характеристиками акцидентального единства возникают, по меньшей мере, два вопроса. Во-первых, насколько отношение акцидентального единства применимо в случаях, когда его релятами являются не субстанция и составная сущность, образованная этой субстанцией и некой акцидентальной формой, а, например, сущности, ни одна из которых не является субстанцией в собственном смысле слова? Этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку, как признает сам Рей, ни бюст, ни кусок глины не являются субстанциями в аристотелевском понимании этого термина. Во-вторых, как акцидентальное единство соотносится с тождеством? Дело в том, что определенная сложность возникает в связи с неясностью того, как нетождественные объекты могут быть, тем не менее, быть одним единственным объектом, а не двумя объектами. Оба вопроса заслуживают внимательного рассмотрения, поскольку от того, насколько убедительными являются ответы, даваемые на них Реем, зависит убедительность

всей его концепции акцидентального единства, которую он предлагает в качестве решения проблемы материальной конституции.

Обратимся к первому вопросу. Действительно ли корректно утверждение, что кусок глины и бюст Сократа находятся между собой в отношении акцидентального единства? В «Метафизике» Аристотель приводит несколько примеров акцидентального единства. Так в *Met.* V, 6, поясняя различие между единым по совпадению и единым по природе, он говорит, что Кориск, например, акцидентально является единым с образованным, а образованный акцидентально единым со справедливым, если верно, что Кориск – образованный, и верно, что Кориск – справедливый, поскольку и образованный, и справедливый относятся к одной и той же субстанции, т. е. к человеку по имени Кориск. Таким образом, по мнению Аристотеля, в основе акцидентального единства лежит единство субстанции. Аналогичным образом соотносятся между собой Кориск и образованный Кориск, или Кориск и справедливый Кориск. Однако, насколько данное различие применимо к случаям материальной конституции, которые рассматривает Рей? С одной стороны, можно провести однозначную аналогию между парой «Кориск/образованный Кориск» и парой «бюст Сократа/глиняный бюст Сократа». И та, и другая явно подпадают под аристотелевское понятие акцидентального единства. Но это совершенно неочевидно в случае пары «бюст Сократа/кусок глины», поскольку в данном случае неясно, что есть та одна субстанция, единство которой обеспечивает акцидентальное единство. Хотя аристотелевские примеры действительно допускают возможность, что акцидентальное единство может иметь место не только между субстанцией и акциденцией, но и между различными акциденциями, например, между образованным Кориском и Кориском справедливым, тем не менее всегда есть некая субстанция, единство которой лежит в основе акцидентального единства. В случае образованного Кориска и справедливого Кориска такой субстанцией является человек Кориск, а что является аналогичной субстанцией в случае куска глины и бюста Аристотеля остается непонятным, так как неверно ни то, что кусок глины является акциденцией бюста, ни то, что бюст является акциденцией куска глины. Также неясно, что могло бы быть иной субстанцией, по отношению к которой и кусок глины, и бюст являлись бы акциденциями.⁵ Поэтому и утверждение о том, что они образуют акцидентальное единство, представляется недостаточно обоснованным.

⁵ Одним из казалось бы напрашивающийся сам собой кандидатов на роль субстанции могла быть глина, но она едва ли может выполнить эту роль, поскольку не дана в качестве вот этого определенного предмета, без чего, по мнению Аристотеля, ничто не может быть субстанцией (ср. *Met.* VII, 3, 1029a27–28).

Кроме того, представляется, что различие между субстанциональным и акцидентальным единством неверно анализировать в гилеморфистских терминах, как это предлагает делать Рей. Он полагает, что в случае бюста и куска глины первый является формой, а последний – материей, и они связаны отношением акцидентального единства, т. е. бюст – это акциденция куска глины. Но проблема заключается в том, что гилеморфистский анализ уместен, прежде всего, там, где речь идет о возникновении и уничтожении изменяющихся вещей, тогда как различие между субстанциональным и акцидентальным единством с этим по существу не связано. Конечно, в некотором смысле можно сказать, что образованный Кориск возникает из Кориска, но это будет неполная истина, поскольку образованный Кориск возникает не из Кориска как такового, а из Кориска необразованного, а Кориск сам по себе не претерпевает внутренних изменений, а остается самим собой, несмотря на то, что он вступает в отношение акцидентального единства поочередно то с необразованным, то с образованным Кориском. Здесь важно, что одно акцидентальное единство, необразованный Кориск, исчезает, а другое, образованный Кориск, возникает. Иначе, имело бы место противоречие: об одной и той же субстанции, Кориске, одновременно и в одном и том же отношении истинно высказывались бы два взаимоисключающих определения: необразованный и образованный. Поэтому нельзя утверждать, что необразованный Кориск и Кориск образованный образуют акцидентальное единство, поскольку они никогда не существуют и не могут существовать одновременно. Аналогичным образом дело обстоит с куском глины и возникающим глиняным бюстом. Кусок глины, являясь материей бюста Сократа, представляет собой его противоположность как бесформенное оформленному. И по этой причине кусок глины и бюст Сократа не могут существовать одновременно, составляя акцидентальное единство, как это утверждает Рей. Таким образом, едва ли будет адекватным такой анализ акцидентального единства, который обращается к аристотелевской дистинкции между материей и формой.

Таким образом, использование понятия акцидентального единства применительно к паре «кусок глины/бюст Сократа» представляется неудачным по двум причинам. Во-первых, кусок глины и бюст Сократа не относятся друг к другу как субстанция и акциденция, равно как и нельзя указать ни на какую субстанцию, акциденциями которой были бы они оба. Во-вторых, если кусок глины и бюст Сократа относятся друг к другу как материя и форма, то акцидентальное единство между ними невозможно, так как они являются противоположностями. А согласно аристотелевскому принципу непротиворечия, ничто не может одновременно и в одном и том же отношении быть

субъектом противоположных определений. Позже я еще вернусь к более подробной аргументации, в каком смысле и почему кусок глины и бюст Сократа являются противоположностями, исключающими их одновременное существование.

Рассмотрим теперь второй вопрос, поставленный выше: как акцидентальное единство соотносится с классическим тождеством? Под классическим тождеством здесь и в дальнейшем понимается отношение эквивалентности, обладающее рядом дополнительных свойств, главными из которых являются закон Лейбница и принцип необходимости тождества. Закон Лейбница утверждает полную общность всех свойств тождественных объектов, а принцип необходимости тождества говорит, что тождественные объекты тождественны необходимым образом. Очевидно, что акцидентальное единство не подразумевает ни закон Лейбница, ни принцип необходимости тождества. Например, ясно, что Кориск как таковой и Кориск образованный не обладают полностью одними и теми же свойствами, поскольку Кориск как таковой существовал еще до того, как появился образованный Кориск. Точно так же, Кориск как таковой может продолжить существование даже после того, как Кориск перестанет быть образованным. Аналогично верно, что принцип необходимости тождества также не выполняется для акцидентального единства. Кориск как таковой тождественен самому себе необходимым образом, но образованный Кориск мог бы остаться и не образованным. Тем не менее, кажется, что единство объекта влечет его тождество. Иными словами, если Кориск как таковой и образованный Кориск суть один единственный объект, то Кориск и образованный Кориск суть *один и тот же* объект, т. е. они тождественны. То же самое верно и в отношении куска глины и бюста Сократа, если кусок глины и бюст Сократа суть один единственный объект, то они тождественны. Тем не менее, признавая, что кусок глины и бюст Сократа представляют один единственный объект, Рей отрицает, что они тождественны. Как это возможно?

Ответ Рея заключается в том, что решающим принципом при подсчете объектов является материя, заполняющая некоторую область пространства, которая одновременно может иметь несколько акцидентальных форм (Rea 1998, 322). На мой взгляд, такой ответ не может не вызвать серьезных возражений. Во-первых, действительно ли, производя подсчет тех или иных объектов, мы считаем их по материи? Рей приводит следующий пример: «Когда мы продаем свой обеденный гарнитур, мы не требуем от людей, чтобы они платили за стол, стулья и еще отдельно за куски дерева, которые их конституируют» (Rea 1998, 321). Да, мы действительно считаем только стол и стулья, но не куски дерева, из которых сделаны, но поступаем мы так потому, что

производим подсчет по наиболее значимому для нас сортальному предикату, под который подпадают те или иные объекты, а не по материи, которая их конституирует. Однако, как быть в том случае, когда сортальные понятия, с помощью которых мы категоризируем предметы, более или менее произвольны? Если для меня значение имеют, прежде всего, стол и стулья, поскольку я собираюсь разместить их в столовой и использовать при принятии пищи, то, конечно, я буду считать их как стол и стулья. Однако, если я покупаю их для того, чтобы растопить ими печь, то они будут интересны мне как дрова. Несомненно, что при подсчете мы руководствуемся своими практическими интересами. Поэтому важно отметить, что определяющую роль в выборе сортального понятия, по которому производится подсчет, имеет цель, ради которой мы выбираем интересующий нас предмет. Так или иначе, вряд ли можно утверждать, что материя – будь то в аристотелевском или в обыденном смысле слова – является принципом подсчета предметов.

Тем не менее определенное рациональное зерно в предложении Рея все же имеется. Он пишет (Rea 1998, 321–322):

Как мы считаем предметы, если мы не считаем их как два в одной области пространства, в которой находится статуя и отличный от нее кусок бронзы? Вот ответ на этот вопрос, который представляется мне разумным и согласующимся с нашей обыденной практикой подсчета, но при этом не влечет истинности: Мы считаем по одному (и только по одному) предмету в каждой области пространства, заполненной материей, которая организована способом, конституирующим некий предмет. Мы считаем по одной статуе в каждой области пространства, заполненной материей, которая организована статуе-образно; мы считаем по одному куску в каждой области пространства, заполненной материей, которая организована куско-образно; и мы считаем по одному предмету в каждой области пространства, которая заполнена материей, которая организована либо каким-то одним из этих способов, либо обоими (или же каким-либо иным конституирующим предметы способом). Таким образом, когда мы распознаем статую и кусок материала в определенной области пространства и отрицаем, что статуя тождественна куску материала, мы обязаны признать истинным утверждение, что в данной области пространства существует материя, которая организована как статуе-образно, так и куско-образно, и что бытие статуей отличается от бытия куском материала, но все это вполне согласуется с тем, что в этой области пространства находится только один объект.

Возникает впечатление, что Рей предлагает здесь следующую онтологию: существует некая материя, которая одновременно может быть организована несколькими способами. Например, она способна принимать и вид бюста Сократ, и вид куска глины. Хотя в принципе такую онтологию нельзя ис-

ключить априори, трудно назвать ее аристотелевской, поскольку если и бытие бюстом и бытие куском глины являются акциденциями материи, то что же будет субстанцией? Как известно, Аристотель отрицает, что материя как таковая может быть субстанцией по причине своей неопределенности. Однако, если даже предположить, что в нашем случае она могла бы адекватным образом выполнять роль субстанции или хотя бы субстрата акцидентальных форм, мы все равно сталкиваемся со следующей проблемой: одна субстанция может одновременно находиться в отношении акцидентального единства с несколькими акциденциями, равно как и они могут находиться в этом отношении между собой, только если эти акциденции не являются противоположностями и взаимно не исключают друг друга.

Рассмотрим следующий пример. Предположим, что Кориск сидит и одновременно разговаривает. Кажется, что вполне оправданно утверждать, что сидящий Кориск и разговаривающий Кориск суть одно, несмотря на то, что быть сидящим и быть разговаривающим не одно и то же. Но молчащий Кориск и разговаривающий Кориск не могут быть одним, поскольку молчание и говорение являются противоположностями и взаимно исключают друг друга. Поэтому скорее молчащий Кориск может стать из молчащего говорящим, или наоборот, но не может быть с ним акцидентально единым. На мой взгляд, случай бюста Сократа и куска глины аналогичен случаю молчащего и говорящего Кориска, а не случаю сидящего и говорящего Кориска. Бюст возникает из куска глины как из своей противоположности. В процессе возникновения кусок глины перестает быть куском глины и под воздействием скульптора и его искусства становится новым объектом, замещающим собой прежний. Почему бюст Сократа и кусок глины являются противоположностями? Кусок глины противоположен бюсту Сократа в том смысле, что кусок глины как таковой не обладает какими-то определенными очертаниями, и в этом смысле является бесформенным. Бюст Сократа же является таковым, только если он обладает определенной формой. Таким образом, лишенность определенной формы есть то, что делает кусок глины куском глины, тогда как бюст Сократа бюстом Сократа делает именно наличие определенной формы. Поэтому эти две сущности являются противоположностями, и, следовательно, не могут находиться друг к другу в отношении акцидентального единства.

Итак, подводя краткий итог предыдущего рассмотрения можно сказать, что концепция акцидентального единства, предложенная М. Реем в качестве решения проблемы материальной конституции, не только не соответствует тому, что под акцидентальным единством понимал сам Аристотель,

но и взятая сама по себе едва ли может быть признана адекватным решением вышеуказанной проблемы.

Материя и форма как собственные части составного целого

Кэтрин Кослицки в своей книге «Структура объектов» также предложила решение проблемы материальной конституции, в основе которого лежит интерпретация идей Аристотеля (Koslicki 2008, 6–7):

Неоаристотелевский тезис, согласно которому объекты состоят из материи и формы, дает решение проблемы материальной конституции: глина оказывается всего лишь собственной частью статуи (т. е. ее материей); «остальная» же статуя состоит из тех формальных или структурных компонентов, которые отличают ее от глины. Однако, тот факт, что глина и статуя представляют собой два различных объекта, занимающих одну и ту же область пространства-времени, в соответствии с этой точкой зрения, беспокоит нас не более, чем то, что кисть моей руки занимает область пространства-времени, которая одновременно занимается и моей рукой, поскольку один из упомянутых выше объектов является собственной частью другого.

Таким образом, Кослицки полагает, что если мы будем мыслить кусок глины (материю) и бюст Сократа как таковой (форму) в качестве собственных частей⁶ составленного из них целого (вот этого глиняного бюста Сократа), то мы легко сможем понять, как решается проблема материальной конституции. При этом материю она понимает как «ингредиенты», из которых возникает тот или иной объект, а форму – как способ, которым эти ингредиенты организуются в единое целое (Koslicki 2008, 172).

Вспомним, что Кослицки видит проблему материальной конституции в том, как объяснить, что одни свойства куска глины и бюста поразительно совпадают, тогда как другие их свойства существенно отличаются. И ее ответ заключается в том, что кусок глины (материя) и бюст Сократа (форма) вместе составляют целое (вот этот глиняный бюст Сократа), будучи его собственными частями, но при этом только кусок глины как материальная часть конституирует составное целое. Таким образом, сходства между объектами, находящимися в отношении конституции, объясняются тем, что целое заимствует некоторые из своих свойств у конституирующего его материального компонента. Например, в рассматриваемом случае вес отдель-

⁶ Термин «собственная часть» употребляется здесь в соответствии с тем значением, которое закрепилось за ним в классической мерологии, учении о соотношении между частями и целым, и означает, что нечто является частью, не тождественной самому целому, в противоположность «несобственной части», которая может быть тождественной самому целому.

ного бюста Сократа будет производным от веса конституирующего его куска глины. Аналогично, производным будет его размер, положение в пространстве и т. п. Тогда как различия между объектами, связанными отношением конституции, объясняются наличием у целого помимо материи еще и дополнительных формальных компонентов. Так, например, не любой кусок глины подходящего веса, размера и даже формы будет отвечать формальным требованиям, необходимым для того, чтобы мы могли правомерно считать его бюстом Сократа, но только тот, который приобрел черты Сократа в соответствии с намерением скульптора и согласуется с иными требованиями, предъявляемыми к бюстам (Koslicki 2008, 185–186).

В основе понимания структуры объектов, предлагаемого Кослицки, лежат несколько принципов, объясняющих, почему материя и форма должны считаться собственными частями составляемого ими целого. Во-первых, она полагает, что те ингредиенты, из которых возникает целое, продолжают присутствовать в нем как таковые. Например, когда рабочие собирают стол из ножек, крышки и крепежа, то все эти ингредиенты продолжают существовать в возникающем из них новом объекте. В качестве причины этого она указывает на то, что простое изменение порядка или пространственного расположения частей объекта, существовавших прежде того, как он был из них собран, не способно привести к их исчезновению (Koslicki 2008, 177). Этот же аргумент она повторяет применительно к созданию бюста Сократа из куска глины. По ее мнению, и в том случае, когда кусок глины является единственным ингредиентом, т. е. единственной материальной частью, из которой возникает новый объект – бюст Сократа, верным остается то, что кусок глины как таковой не исчезает в процессе изготовления бюста (Koslicki 2008, 179).

Во-вторых, используя далее пример, когда из одного единственного ингредиента возникает новый, отличный от него объект, она аргументирует, ссылаясь на закон Лейбница и слабый принцип дополнительности,⁷ что получившееся в результате целое должно иметь, по крайней мере, одну собственную часть, отличную от того ингредиента, из которого оно возникло, и единственным подходящим кандидатом здесь является форма. Поэтому, если бюст Сократа возникает из одного куска глины, то у него помимо самого куска, являющего его материальной частью, должна быть еще одна дополнительная, формальная часть (Koslicki 2008, 179–180). Таким образом, по мнению Кослицки, мы должны признать, что возникший из куска глины бюст Сократа как целое обладает двумя отличными друг от друга собствен-

⁷ Слабый принцип дополнительности утверждает, что если x является собственной частью y , то существует, по крайней мере, еще одна собственная часть z , отличная от x .

ными частями: сохранившимся несмотря на изменение порядка своих частей куском глины и самого порядка организации частей, т. е. набора условий, удовлетворение которым позволяет назвать нечто бюстом Сократа.

В-третьих, Кослицки утверждает, что два нумерически различных объекта никогда не могут состоять из полностью одних и тех же частей (Koslicki 2008, 183). Например, с ее точки зрения, одна и та же совокупность частиц глины, из которых состоят как кусок глины, так и бюст Сократа, еще не является всеми частями куска глины и бюста Сократа. Поскольку в дополнение к частицам глины кусок глины в качестве формальной (собственной) части имеет еще форму, которая описывается онтологическим видом, к которому он принадлежит, т. е. бытие куском глины, равно как и бюст Сократа также обладает своей особой формой, т. е. бытием бюстом Сократа, которая является тем онтологическим видом, под который попадает этот объект, в качестве своей собственной части. По этой причине кусок глины и бюст Сократа не состоят полностью из одних и тех же частей. Бытие бюстом Сократа является формальной частью только бюста Сократа, но не куска глины. В отличие от стандартной, мереология, предлагаемая Кослицки, не решает вопроса о существовании объектов. В стандартной мереологии любые объекты составляют мереологическую сумму, которая в свою очередь, представляет собой самостоятельный объект, тогда как в мереологии Кослицки только те объекты составляют новый объект, сумма которых подпадает под определенный онтологический вид, существование которого определяется независимыми от мереологии причинами, например, научно-информированным здравым смыслом (Koslicki 2008, 170–171). Таким образом, если существование кусков глины и бюстов Сократа допускается в качестве различных онтологических видов нашей научно-информированной онтологии, то объекты, принадлежащие к этим видам, должны среди своих собственных частей неизбежно иметь различные формальные компоненты, и по этой причине не могут состоять полностью из одних тех же частей, к которым они находятся в существенно различном отношении.

Тем не менее, определяя отношение собственной части, Кослицки весьма близка к стандартной мереологии, поскольку бытие объекта собственной частью другого объекта предполагает асимметричность,⁸ транзитивность⁹ и слабую дополнительность¹⁰ того отношения, в котором первый объект нахо-

⁸ Асимметрия означает, что ничто не является собственной частью самого себя.

⁹ Транзитивность означает, что если объект является собственной частью другого объекта, который в свою очередь является собственной частью третьего объекта, то первый объект является собственной частью третьего объекта.

¹⁰ См. примечание 7.

дится ко второму. Транзитивность отношения собственной части вместе с принятием того, что каждый составной объект состоит из материи и формы в качестве своих собственных частей, ведет к интересному следствию в виде признания иерархии форм. Последняя означает, что составной объект, имеющий в качестве материи некий отличный от него самого объект, включает в себя в качестве собственной части не только свою собственную форму, но и форму того объекта, который является его материей (Koslicki 2008, 186–187). Применительно к случаю с куском глины и бюстом Сократа это означает, что бюст Сократа в качестве собственной части имеет не только бытие бюстом Сократа, которая является его формой *simpliciter*, но и бытие куском глины, поскольку последнее является формальной (собственной) частью куска глины, который в качестве материи также является собственной частью бюста Сократа.

На мой взгляд, признание бытия куском глины собственной частью бюста Сократа делает предложенное Кослицки решение проблемы неудовлетворительным. Причина этого заключается в том, что два формальных компонента могут быть собственными частями одного и того же составного целого только в том случае, если они не являются противоположностями. Например, вода как форма, т. е. способ организации атомов водорода и кислорода, вполне может быть собственной частью реки как формы водяной массы, т. е. способа организации молекул воды, поскольку вода как форма и река как форма не являются противоположностями, а напротив способны взаимно дополнять друг друга. В случае же куска глины и бюста Сократа имеет место взаимоисключающая противоположность их форм. По крайней мере, в том случае, если мы рассматриваем их как актуальные формы одного и того же составного целого, т. е. глиняного бюста Сократа. Кослицки эксплицитно отвергает аристотелевское различие между актуальностью и потенциальностью (Koslicki 2008, 170), и таким образом не может сказать, что нечто является куском глины актуально, а бюстом Сократа – потенциально, и наоборот. Если предположить, что глиняный бюст Сократа, т. е. частный индивид, возникший из куска глины, актуально обладает бытием куска глины и бытием бюста Сократа в качестве своих форм, то следует прийти к выводу, что такой индивид является невозможным, поскольку для своего существования он должен был бы обладать взаимоисключающими формами в качестве своих собственных частей. И это потому, что бытие куском глины предполагает лишенность какой-либо определенной геометрической формы, преданной предмету намеренно, тогда как бытие бюстом Сократа, напротив, предполагает намеренное предание предмету совершенно определенного вида, а именно внешнего сходства с верхней частью

туловища и головы Сократа. И поскольку одни и те же частицы глины не могут обладать этим внешним сходством и в то же время быть лишены его же, то никакой частный индивид не может быть одновременно и куском глины, и бюстом Сократа актуально. Таким образом, предложенное Кослицки решение проблемы материальной конституции, согласно которому кусок глины присутствует в бюсте Сократа в виде собственной (материальной) части, следует признать неудовлетворительным.

Другое аристотелевское решение проблемы

Предыдущие размышления показали, что две рассмотренные выше попытки разрешить проблему материальной конституции, используя аппарат аристотелевской метафизики, не увенчались успехом. Однако, означает ли это, что метафизика Аристотеля не способна предложить удовлетворительный ответ на эту проблему? На мой взгляд, нет, и полагаю, что она обладает достаточным потенциалом для решения данной проблемы. В дальнейшем я попытаюсь показать, как именно могло бы выглядеть аристотелевское решение проблемы материальной конституции, и ответить на некоторые возражения, которые могли бы возникнуть против данного решения. Аристотель во многих своих сочинениях пытается дать объяснение процессу возникновения материальных объектов. Однако, пытаюсь показать, как в рамках аристотелевской метафизики можно было бы разрешить проблему материальной конституции, я, прежде всего, опираюсь на идеи, изложенные в VII книге «Метафизики».

Ключевым моментом для понимания аристотелевского решения проблемы материальной конституции является то, что, говоря о куске глины и возникающем из него бюсте, следует обратить внимание на процессуальный характер возникновения новой вещи из того, что ей предшествует. То, что предшествует, и может как стать вот этой новой вещью, так и не стать ею, Аристотель называет материей. Бюст Сократа из нашего примера возникает из куска глины, который является по отношению к нему предсуществующей во времени материей, т. е. принципом, который среди прочего объясняет, из чего возникла новая вещь, бюст Сократа. Но при этом важно отметить, что в процессе возникновения бюста кусок глины как таковой не становится собственной частью создаваемого из него бюста, как полагает Кослицки, и не вступает с бюстом в отношение акцидентального единства, как считает Рей, а прекращает свое существование как таковой, ассимилируясь этой новой возникающей из него сущностью.

Свидетельством того, что кусок глины представляет собой материю для бюста Сократа является то, что возникший бюст – именно глиняный, а не,

скажем, медный или гипсовый. Как говорит сам Аристотель: «А по отношению к <той> материи, из которой возникают некоторые предметы, они обозначаются не ее именем, но именем производным, – например, статуя <называется> не камнем, но каменной...» (1033a5–8, пер. А. В. Кубицкого) Тем не менее сам исходный кусок глины как таковой, т. е. в качестве отдельного глиняного индивида, имеющего форму, отличную от формы бюста Сократа, перестает существовать. Аристотель сам прямо указывает на это обстоятельство, говоря, что «... при возникновении вещи то, из чего она возникает, должно измениться, а не оставаться тем же» (1033a20–24, пер. А. В. Кубицкого).

В контексте случая куска глины и возникающего из нее глиняного бюста это означает, что кусок глины не может оставаться все тем же куском глины, каким он был до того, как из него сделали бюст, но должен измениться, т. е. перестать быть просто куском глины, и стать чем-то иным, а именно бюстом. Если бы он продолжил свое существование, то глиняный бюст Сократа не мог бы считаться возникшим из него, а мы должны были говорить о том, что кусок глины всего лишь приобрел новую геометрическую форму, которая тем не менее не изменила саму сущность куска глины, т. е. не сделала его новой вещью.¹¹ Таким образом, после того, как скульптор завершил свою работу остался только один объект – глиняный бюст Сократа, а кусок глины, являющийся его материей, прекратил свое существование в процессе создания бюста. Иными словами, предлагаемое мной решение проблемы материальной конституции в отличие от рассмотренных ранее отрицает одновременное существование куска глины и бюста Сократа.

Кроме того, для лучшего понимания того решения проблемы материальной конституции, которое мы могли бы предложить в рамках аристотелевской метафизики, необходимо учитывать то обстоятельство, что кусок глины, являясь по отношению к бюсту Сократа материей, одновременно с этим потенциально является бюстом Сократа. Кослицки эксплицитно отвергает аристотелевское учение о потенции и акте, полагая, что оно лишь мешает построению правильной мереологии. Однако, без него невозможно адекватное объяснение того, почему бюст Сократа возникает именно из куска глины, а не из другого объекта, скажем, из воздуха. Согласно Аристотелю, это происходит потому, что кусок глины потенциально и есть бюст Сократа, т. е. он по своим свойствам таков, что может им стать при определенном воздействии со стороны скульптора. Поэтому в определенном смысле можно сказать, что кусок глины и бюст Сократа, представляя собой противопо-

¹¹ Аналогичный аргумент приводит один из современных комментаторов аристотелевской «Метафизики», Василис Политис. Подробнее см. Politis 2004, 60.

ложности, тем не менее являются противоположностями относительно одной и той же формы. И эта форма есть ни что иное, как бюст Сократа, находящийся в душе скульптора, который намеревается изготовить его из куска глины. Кусок глины еще лишен этой формы, но способен приобрести ее под воздействием мастера, так как по своим размерам, текстуре, пластичности подходит для этого. Таким образом, актуально кусок глины и бюст Сократа являются противоположностями, так как один лишен той формы, которой обладает другой, но потенциально кусок глины обладает той же формой, что и бюст Сократа. Однако, кусок глины обладает ей не как отдельный индивид, существующий сам по себе, а лишь постольку, поскольку является материей по отношению к бюсту Сократа.¹²

В этой связи необходимо отметить, что бюст Сократа возникает не просто из частиц глины, из которых состоит как кусок глины, так и бюст Сократа, но именно из куска глины, т. е. из объекта, лишённого определенной формы, приобретая которую он и становится другой вещью. Аристотель пытается пояснить это на примере того, как больной человек становится здоровым. При этом он распространяет это по аналогии на производство таких артефактов, как дома, или статуи:

...причина здесь та, что возникновение происходит и из «отсутствия» <данной формы>, и из <лежащего в основе> субстрата, которым мы считаем материю (так, например, здоровым становится человек с одной стороны, больной – с другой), однако же больше говорится о возникновении из <предшествующего> отсутствия, – например, здоровым делаешься из больного, а не из человека, поэтому больным здоровый не называется, а человеком называется, и здоровым обозначается <именно> человек; в тех же случаях, где отсутствие не выражено ясно и не обозначено специальным именем, как, например, в меди – отсутствие какой бы то ни было фигуры, или в кирпичках и бревнах – отсутствие <формы> дома, в таких случаях считается, что возникновение происходит из этих <материалов>, как там <здоровый возникал> из больного (1032a10 сл., пер. А. В. Кубицкого).

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, два отдельных индивида – кусок глины и бюст Сократа – неразрывно связаны между собой через единство материи и формы, а также намеренное воздействие скульптора, посредством которого из одного индивида создается второй. Но с другой стороны, также очевидно, что оба индивида не способны к одновременному

¹² Ср. Met. VII, 7, 1032b 1–5: «Ведь <надо иметь в виду, что> и у противоположных свойств в известном смысле – одна и та же форма: сущностью лишённости является сущность, противоположащая <ей>, например, здоровье – сущность для болезни, ибо болезнь получает себе выражение через отсутствие здоровья, а здоровье – это <положительное> понятие, находящееся в душе врача, и <имеющееся у него> знание» (пер. А. В. Кубицкого).

актуальному существованию вопреки тому, что полагают Рей, Кослицки и, вместе с ними, большинство современных философов, занимающихся проблемой материальной конституции.

В заключение необходимо рассмотреть, как работает предложенное решение для различных формулировок проблемы материальной конституции, а также ответить на некоторые возражения, которые могли бы быть выдвинуты против этого решения. Напомню, что Рей и Кослицки поразному формулируют проблему материальной конституции. Рей видит ее в том, что кусок глины и бюст Сократа, состоят полностью из одних и тех же частей, которые находятся к ним в принципиально различном отношении. Кослицки же полагает, что проблема в том, чтобы объяснить, почему, с одной стороны, свойства куска глины и бюста Сократа поразительно похожи, а с другой стороны, существенно различны.

Рассмотрим сначала, как предложенное мной аристотелевское решение работает относительно формулировки Рея. Очевидно, что поскольку кусок глины и бюст Сократа не существуют одновременно, то противоречие, на которое указывает Рей, не возникает. Иными словами, аристотелевское решение, с моей точки зрения, должно отрицать предположение существования, а не аксиому экстенциональности, как полагает сам Рей. Интересно, что сам Рей не отрицает, что аристотелевское решение могло бы заключаться в отрицании существования одного из объектов, упоминаемых в загадках материальной конституции, однако, считает, что его решение является не только возможным в рамках аристотелевской метафизики, но и более предпочтительным (Rea 1998, 326–327). Выше я пытался показать, почему решение Рея неадекватно с точки зрения аристотелевской метафизики. Чуть позже я приведу аргументы, почему причины, по которым Рей предпочитает свое решение, основанное на отрицании аксиомы экстенциональности, тому, которое основано на отрицании предположения существования, также являются недействительными.

Теперь обратимся к формулировке проблемы, предложенной Кослицки. Кусок глины, хотя актуально и не существует одновременно с бюстом Сократа, тем не менее тот факт, что он является его материей, вполне объясняет, почему многие свойства бюста Сократа так похожи на те свойства, что прежде были у куска глины. Таким образом, общность свойств между ними объясняется вовсе не тем, что кусок глины продолжает существовать в качестве собственной части бюста Сократа, а тем, что бюст был сделан из него. Именно потому, что бюст глиняный, а, к примеру, не медный, он обладает определенным весом, размером, текстурой и т. п. Он наследует свои характеристики от куска глины, из которого был вылеплен. Но в то же время бюст

приобретает и новые свойства, которыми существовавший прежде него кусок глины не обладал. Это, прежде всего, строго определенные очертания и форма, явившиеся результатом намеренного воздействия со стороны создавшего его мастера, без которого бюст не был бы бюстом Сократа, а так и остался бы куском глины, даже если бы последний случайно оказался похожим на бюст Сократа. Ведь камни и облака иногда напоминают нам очертания людей, животных или иные предметы, но тем не менее не являются их изображениями. Таким образом, то, что кусок глины оказался материей для бюста Сократа, объясняет общность свойств куска глины и бюста Сократа, тогда как отличная от материи форма и намеренное воздействие скульптора объясняет различия между ними.

Несмотря на то, что описанное решение обладает некоторой привлекательностью, оно вызывает определенные возражения.

Во-первых, действительно ли возникновение нового объекта должно с необходимостью приводить к уничтожению объекта, из которого он возникает? На это возражение сторонники Аристотеля могли бы дать следующий ответ: кусок глины и бюст Сократа не могут сосуществовать в одной и той же области пространства-времени по той причине, что у них не просто различные, но и взаимоисключающие сущности. Сущностью куска глины является лишенность какой-либо определенной формы,¹³ тогда как сущность бюста Сократа заключается в наличии совершенно определенной формы, которая является подобием конкретного человека. Поэтому если кусок глины не исчезает после того, как из него создается бюст Сократа, то он остается в том же месте, где теперь находится бюст. В этом случае одна и та же область пространства-времени должна характеризоваться как отсутствием, так и присутствием некоторой совершенно определенной формы. Это представляется противоречием, которого следует избегать, если нет очень веских причин для того, чтобы принимать это. Насколько я могу судить об этом, в данном случае такие причины отсутствуют.

Второе возражение против предложенного выше решения в своей статье сформулировал Майкл Рей, утверждая, что если кусок глины разрушается в процессе созидания бюста, то вместо изменения мы имеем дело с «чудесным» замещением одной вещи другой, тогда как подлинное изменение подразумевает, чтобы нечто сохранялось в ходе изменения (Rea 1998, 326–327). Как мне кажется, изменение действительно отличается от простого замещения одной вещи другой. Тем не менее в данном случае мы имеем дело

¹³ Неопределенность формы глиняной массы не означает, что она вообще не имеет геометрической формы, тем не менее никакая определенная геометрическая форма не является сущностью куска глины.

не с изменением, происходящим с одним и тем же предметом, а с возникновением нового объекта из другого объекта, существовавшего прежде. Поэтому нельзя сказать, что такой тип изменения предполагает сохранение того объекта, из которого возникает новый. Напротив, возникновение скорее предполагает, что когда один объект возникает из другого, то первый прекращает существовать, или, по крайней мере, существует не одновременно с новым. Поэтому сохранение или исчезновение объекта изменения зависит от типа изменения, о котором идет речь. Более того, если согласиться с Реем, что любое изменение предполагает сохранение объекта изменения, то окажется, что все новые объекты являются результатом *creatio ex nihilo*, и аристотелевское представление о возможности возникновения и уничтожения будет некогерентным. Тем не менее определенный здравый смысл в словах Рея все-таки имеется, поскольку между новым объектом и объектом, из которого он возникает, должна существовать некоторая преемственность. Но в случае куска глины и бюста Сократа такая преемственность, как я показал выше, как раз налицо.

Третье возражение основано на несколько модифицированной истории куска глины и бюста Сократа. Представим для большей наглядности, что бюст Сократа был сделан не из куска глины, а из более пластичного материала, например, из комка пластилина. Тогда если после того, как бюст Сократа просуществовал некоторое время, он может быть снова превращен в комок пластилина. Но будет ли этот комок пластилина тождественен тому, из которого был вылеплен бюст, или же это будет новый, отличный от прежнего комок? Не будет ли отрицание тождества между ними идти вразрез со здравым смыслом? На мой взгляд, сторонники Аристотеля действительно должны признавать, что комок пластилина, существующий до возникновения бюста Сократа, и комок пластилина, существующий после разрушения бюста, не являются тождественными, несмотря на то, что они состоят из одного и того же пластилина. Это две различные по числу вещи, так как имеют различное время возникновения, и в естественном порядке вещей одна и та же вещь не может возникать дважды. В то же время, как мне кажется, сторонники Аристотеля могли бы избежать такого вывода, если бы согласились признать возможность прерывного существования объектов. В этом случае они могли бы сказать, что кусок пластилина до возникновения и после уничтожения бюста является одним и тем же, но у него есть перерыв в существовании. Так или иначе, с точки зрения здравого смысла, и возникновение нового куска пластилина из бюста Сократа, и допущение прерывного существования одного и того же куска пластилина вряд ли представляют собой что-то менее правдоподобное, чем одновременное со-

существование двух различных объектов в одной и той же области пространства-времени.

Заключение

Несмотря на то, что рассмотренные выше попытки М. Рея и К. Кослицки разрешить проблему материальной конституции, опираясь на идеи метафизики Аристотеля, следует признать неудачными, аристотелевская метафизика располагает достаточными ресурсами для решения данной проблемы. Основой для такого решения является динамическое понимание материи как предшествующего во времени источника, из которого возникает новый объект. Кроме того, в рамках аристотелевской философии невозможно адекватное решение этой проблемы без использования таких понятий, как «акт», «потенция» и «лишенность». Многие современные философы предпочли бы отказаться от этих, как им кажется, туманных концептов, тем не менее их объясняющая сила говорит в пользу их сохранения, по крайней мере, теми, кто симпатизирует аристотелевской метафизической традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кубицкий, А. В., пер. (2006) *Аристотель. Метафизика*. Москва.
- Geach, P. T. (1980) *Reference and Generality*. Ithaca.
- Gibbard, A. (1975) "Contingent Identity," *Journal of Philosophical Logic* 4, 187–221.
- Koslicki, K. (2008) *The Structure of Objects*. Oxford.
- Politis, V. (2004) *Aristotle and the Metaphysics*. London and New York.
- Rea, M. (1995) "The Problem of Material Constitution," *The Philosophical Review* 104 (4), 525–552.
- Rea, M., ed. (1997) *Material Constitution*. Lanham MD: Rowman and Littlefield.
- Rea, M. (1998) "Sameness without Identity: an Aristotelian Solution to the Problem of Material Constitution," *Ratio* XI (3), 316–328.
- Rea, M. (2000) "Constitution and Kind Membership," *Philosophical Studies* 97, 169–93.